

А.В. Ручин

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ?
Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. — 448 с.

Мировой опыт ведения хозяйства показывает: во все времена и во всех типах обществ существовали различные виды хозяйственной деятельности, не подчиненные формальному экономическому праву и не поддающиеся статистическому учету. В советский период все, что не попадало в формальные государственные рамки, тут же относилось к сфере криминала. Во второй половине XX в. это явление обратило на себя и внимание исследователей и определено как неформальная экономика. Сектор неформальной экономики, по мнению большинства ученых, включает в себя не только криминальную активность, но и теневую экономику, домашний труд по самообеспечению, обмены, дарения между домохозяйствами. Сегодня управление российской экономикой невозможно без изучения неформального сектора, по причине значительного влияния эксплоярной экономики (другое определение этого явления) на развитие современной России.

Книга С.Ю. Барсуковой «Неформальная экономика» представляет собой развернутый анализ неофициальной хозяйственной деятельности. Автор вполне справедливо отмечает определенную специфику подобных явлений, общим для всей авторской палитры является то, что исторически все они — результат социальных практик. Образно говоря, современное древо экономико-социальных отношений начало свой рост из первородных корней, называемых сегодня неформальной экономикой.

Мы солидарны с В.Г. Виноградским в том, что «в основании эксплоярных действий кроется особое понимание возможных форм связи субъекта с миром хозяйства и миром в целом. Здесь работает именно логика, — но не столько экономическая логика в смысле максимизации доходов, сколько логика социальная, в которой качество жизни увязано с выживанием, а также с многообразием человеческих отношений» (Виноградский 1999: 36). Если следовать этой идее, то неформальная экономика никогда не исчезала, а в зависимости от состояния общества имеет тенденцию либо расширять свое пространство, либо сокращать его, приобретая качественно новые формы.

В книге С.Ю. Барсуковой широко охвачены особенности неформальной экономики. Книга состоит из предисловия, 22 двух глав, объединенных в восемь разделов, заключения и списка литературы. Достоинством книги является системное описание природы изучаемого феномена, его концептуальной структуры и характера функционирования сегментов, в русле экономико-социологического дискурса автор использует комплексный анализ сегментов неформальной экономики: индивидов, домохозяйств и предприятий.

На основе многочисленных источников С.Ю. Барсукова рассматривает современную ситуацию в различных по уровню развития странах и находит универсальные черты параллельной экономики, детерминированные национальными особенностями. Заслуга автора — в подробном описании динамики процессов теневой экономики, а также эволюции взглядов по данной теме за рубежом и в России. Систематизация подобного рода сама по себе представляет интерес для исследователей и практиков, но, дополненная выводами по каждой главе, делает книгу научной базой для изучения неофициальной экономики и управления процессами, происходящими в экономике в целом. При этом здесь гармонично сочетаются теоретический анализ и интерпретация различных эмпирических исследований, что делает чтение увлекательным процессом, лишенным сухой абстрактной академичности. Безусловно, исследование, проделанное С.Ю. Барсуковой, побуждает читателя по-особому отнестись к экономическим явлениям, выходящим за пределы официальной статистики.

Разделяя с автором мнение о живучести неформальной экономики, ее нацеленности на выживаемость членов общества, лишенных перспектив в экономике формальной, можно сформулировать вывод о необходимости поиска цивилизованных путей экономического развития, например, активнее поддерживать малый бизнес как естественную альтернативу безналоговой экономико-социальной практики.

Первый раздел «Неформальная экономика как мировое явление» автор начинает с исторической справки об истоках изучения неформальной экономики. При этом пальму первенства в исследованиях неформальной экономики автор отдает таким исследователям, как Дж. Бойк, К. Гритц, К. Харта, Р. Бромли (С. 15). В этом разделе описываются подходы различных исследователей к определению неформальной экономики. Отдельный параграф посвящен «сегментации неформальной экономики» (С. 28). В нем автор приводит типологии неформального сектора Дж. Гершуни, С. Смита, Ф. Матера, Дж. Томаса, В. Радаева и констатирует независимое от множества терминологических особенностей и различных подходов «единство в понимании сущности» (С. 33) неформальной экономики.

Объединяя их взгляды, С.Ю. Барсукова предлагает свою структуру неформальной экономики (С. 38), разделяя ее в первую очередь на две группы: вопреки (криминальная и теневая экономики) и вне (экономика дара и домашняя экономика) закона. В.Г. Виноградский, рецензируя данную книгу, отмечает, что «такое деление в содержательном смысле весьма удачно...», однако коннотация сочетания «вне закона» звучит по-русски даже как более опасная позиция, нежели «вопреки закону», и предлагает заменить «вне закона» словосочетанием «параллельно закону» (Виноградский

2005: 152). На наш взгляд, проще было бы отнести данный сегмент по ведомству индивидуально-семейной экономики.

Причины возникновения неформального сектора С.Ю. Барсукова исследует, рассматривая «распространенные версии» его возникновения и существования в развитых и развивающихся странах, а также приводит «универсальные процессы и закономерности» современности, обуславливающие «уход экономической активности в неформальное поле» (С. 54). Заканчивается раздел изучением различных идеологий в контексте отношений их к неформальному сектору. При этом трудно отнести автора к какой-либо школе — скорее это сторонний наблюдатель, старающийся охватить как можно шире весь круг вопросов, но редко высказывающий свое личное отношение к ним.

Не выступает ли неформальная экономика неким генетическим провозвестником предпринимательства — этот вопрос можно задать себе после прочтения многих работ по этой проблеме и задуматься, как связаны эти два явления на сущностном уровне. С одной стороны, предприниматель воспитывает в себе уважение к закону, аккуратность в исполнении налогового бремени и старается идти в мейнстриме креативного потока формальной экономики. С другой стороны, он вынужден уклоняться от формальных предписаний, чтобы не потерять свой бизнес, а потому подчас уходит в теневой сегмент. Близко к этому направлению дискурса оказывается второй раздел анализируемой книги.

В этом разделе «Неформальная экономика России: пространственно-временной аспект» С.Ю. Барсукова проводит ретроспективный анализ существования неформальной экономики, с советского периода по настоящее время, а также изучает особенности ведения хозяйственной деятельности в зависимости от местоположения субъекта неформальной экономики. Автор начинает с анализа элементов «второй экономики» (С. 7), выделяя ее легальные (личные подсобные хозяйства, жилищное строительство, выполняемое жилищно-строительными кооперативами, колхозами и отдельными гражданами, частная практика отдельных профессиональных групп: стоматологов, врачей, учителей) и нелегальные части (воровство, спекулятивные перепродажи, коррупция, нелегальное производство товаров и услуг).

Раскрывая причины развития неформальной экономики советского периода, автор придерживается точки зрения, согласно которой, в силу особенностей планового хозяйства (называются четыре основных фактора, порождающих неформальную экономическую деятельность: товарный дефицит, скрытая инфляция, система уравнительного распределения доходов и благ разрыв между предписанной идеологической пропагандой ролью и реальностью), контроль советской экономики носил ограниченный характер (С. 81).

Структура современной неформальной экономики существенно отличается от советской, это касается как теневой, так и домашней экономик. Что же касается причин возникновения ее в современной России — здесь автор приводит три основных аспекта влияния советской «второй экономики»: финансовый (фактор накопления теневых капиталов), организационно-правовой (создание руководством крупных предприятий хозрасчетных подразделений и малых фирм с последующей перекачкой активов)

и номенклатурный («теневой сектор являлся одним из источников дохода советского чиновника ... разночтения в новых законах стали основой для воссоздания прежней зависимости предпринимателя от чиновника» — С. 94).

В целях широты охвата вопроса (напомним, что задача книги состояла именно в комплексном анализе) ожидалось рассмотрение предпосылки возникновения неформальной экономики в дореволюционной России. Здесь мы находим подтверждение своей выше сформулированной догадке, как только обратимся к исследованию В. Радаева «Два корня российского предпринимательства», где проводится мысль о предпринимательской активности, вырастающей как внеправовое и во многом не организационное нормотворчество, т. е. как инновации, не санкционированные формальным образом и часто проводимые в рамках прежних организационных (в том числе, и государственных) структур (Радаев 1995: 176).

С.Ю. Барсукова делит все пространство на узловые центры и внеузловое пространство и, исходя из этого, описывает специфику существования теневой и домашних экономик в зависимости от их местоположения. Делается заключение о «бесмысленности суждения о неформальной экономике “вообще”», а также выдвижения практических предложений на основе «общего понимания ситуации», т. к. характер ведения неформального бизнеса весьма многообразен. Возможно, что это многообразие конструируется многообразными практиками, хабитусами многообразных субъектов экономики.

Третий раздел «Социокультурные основания неформальной экономики в России: ценности, доверие, солидарность» ставит задачей систематизировать нематериальные основы неформального взаимодействия, такие как система ценностей россиян, доверие сетевого мира и солидарность участников неформальной экономики. Так, анализируются три основных фактора, касающиеся ценностных основ российской экономики: геоклиматический религиозный и исторический, называемые «базовыми пластами ценностной системы». Они, по мнению автора, и сформировали «устойчивый приоритет саморегулятивного коллективистского выживания перед государственным согласованием индивидуальных и групповых интересов» (С. 131), а «события 1990-х годов... усилили ориентацию россиян на участие в неформальной экономике». Впрочем, в этом направлении, как представляется, большую роль играет категория доверия.

Сетевое доверие играет ключевую роль в условиях неформальной экономики, является «страховым полисом», оберегающим от непредсказуемости поведения ее участников, т. е. аналогом формальных норм. «...доверие — это мощная универсальная сила, влияющая практически на все, что происходит внутри организаций и в отношениях между организациями. При этом доверие оказывается структурной и культурной характеристикой пространства взаимодействия предприятий» (Блом, Мелин, Сарно А., Сарно И. 2005: 127). Но при этом помимо выигрыша, связанного с обладанием сетевым доверием, субъекты неформальной экономики несут определенные издержки. С.Ю. Барсукова приводит следующие: обязательность взаимопомощи, ограничение личной свободы — дозированная восприимчивость к внешней культуре (в случае этнического предпринимательства), неверие в собственные силы, уравнилительное давление при восходящей мобильности.

Исследуя солидарность участников неформальной экономики России, С.Ю. Барсукова приходит к выводу, что «вселенская солидарность в среде предпринимателей и мигрантов» является по большей части мифом: «родственная помощь и реципрокный обмен являются несопоставимо более действенной формой социального капитала, нежели групповая солидарность мигрантского сообщества. Предприниматели же предпочитают компромиссное сотрудничество с властью, а не солидарную поддержку своих единомышленников» (С.165). По мнению автора, «затрудняют формирование солидарности в рядах предпринимателей сложность в возложении ответственности на конкретных акторов и трудность в распознавании “своих” и “чужих”». Л.Я. Косалс и В.Р. Рывкина придерживаются мнения, что «возникшие институты теневой экономики привели к формированию особого стиля бизнеса — бизнеса “ для своих”, тогда как “не свои” не имеют реальной возможности выхода на рынок. Это радикально ограничивает конкуренцию, со всеми хорошо известными негативными последствиями» (Косалс, Рывкина 2002: 20). По нашему мнению, о солидарности участников экономической деятельности как о ресурсе вообще говорить сложно. Ведь основой существования рынка является, прежде всего, здоровая конкуренция (на уровне психологии). Этим как раз и объясняется большая вероятность взаимопомощи между вертикальными, нежели горизонтальными структурными элементами экономики.

В четвертом разделе, посвященном теневому и криминальному предпринимательству в России, исследуется развитие теневого сектора как результата ухода от транзакционных издержек. В качестве примера теневого предпринимательства исследованы особенности использования «черных» и серых» схем таможенного оформления. Объектом исследования криминальной экономики выступило производство и реализация контрафактной продукции.

Обратим внимание на то, что раздел, посвященный исследованию неформальной занятости в России, начинается с разграничения рынка труда (С. 228) на фиктивный (выдаются за реальность отсутствующие трудовые отношения) и теневой (сокрытие существующего найма — бесконтрактный наем, расхождение фактических и формальных условий найма, нерегистрируемое предпринимательство). Продавцами рабочей силы чаще всего выступают «социально депривированные слои населения... входящие в корпоративный альянс с работодателем, надеясь удовлетворить свои интересы в теневом секторе, в условиях “диктата интересов работодателей” (С. 249). И далее при исследовании характера рынка труда в контексте изменения российского трудового законодательства автор делает заключение: главные сторонники улучшения законодательства — участники формального рынка труда (что, впрочем, очевидно), неформалы же (как работодатели, так и работники) достаточно лояльны к нарушениям законодательства, а, следовательно, «наивно рассчитывать на их активную поддержку в легализации трудовой сферы» (С. 272).

Как причины распространенности неформальной занятости С.Ю. Барсукова изучает традиции российского общества, государственную политику (налоговую политику, политику занятости), индивидуальный опыт работников. Опираясь на данные эмпирических исследований, автор говорит о тенденции сближения устного и официального найма: «деформализация

формального и институционализация неформального — два встречных движения, размывающие границы между формальными и неформальными рынками труда» (С. 302). При этом автор приходит, как нам кажется, к одному из основных выводов: практика сочетания формальной и неформальной занятости «определяет реальные адапционные возможности широких групп населения на рынке труда России. Соответственно, задача блокирования устного найма в ближайшее время кажется нереальной, а стремление к этому — неоправданным» (С. 281). Но надо сказать, что это не повод к бездействию. Как отмечают Т.И. Заславская и М.А. Шабанова, «институционализация неправовых социальных практик (прежде всего в сфере труда) противоречит долгосрочным интересам массовых общественных групп, поскольку усиливает их зависимость от произвола тех, кто обладает властью и собственностью» (Заславская, Шабанова 2002: 37).

В разделе «Методы оценки теневой экономики: критический анализ» рассматриваются прямые (по структуре потребления домохозяйств, по расхождению расходов и доходов домохозяйств) и косвенные (монетарные методы и метод альтернативных расчетов ВВП) методы, анализируются их недостатки. Причем, как говорит автор, «задача состоит не в исчерпывающем описании методов, а в углубленном анализе наиболее распространенных из них» (С. 328). В качестве дополнения хочется надеяться в будущем все же найти оптимальные методы анализа масштаба неформального сектора, тем более в силу его значительного развития в современной России количественные характеристики деятельности его субъектов чрезвычайно важны.

Последние два раздела посвящены участию домохозяйств в неформальной экономике — их сетевая взаимопомощь и ведение домашней экономики. Говоря о размытости границ между реципрокностью, патрон-клиентских отношений и товарного обмена, С.Ю. Барсукова проводит их сравнительный анализ (С. 342). Особый интерес вызывает исследование реципрокных отношений в современной России, которое включает как изучение теоретических основ его существования, так и интерпретацию эмпирического исследования, проведенного среди 29 российских семей в 1999–2000 гг. При изучении домашней экономики автор охватил такой круг вопросов, как методы оценки домашней экономики, сравнительный анализ ее особенностей в различных типах экономик (плановой, транзитной, рыночной), особенности распределения труда между супругами.

Стабилизация в политической и экономической жизни России наконец позволяет посмотреть на эту жизнь во всем ее многообразии, уточнить, на каком этапе развития находится российское общество, определить перспективы развития. Этим определяется актуальность книги. Общеизвестно, что в странах с переходной экономикой теневая хозяйственная деятельность занимает значительное пространство и вовлекает в это пространство многочисленные социальные группы. Знакомство с книгой Барсуковой приводит к выводу, что игнорирование нюансов жизни, во многом скрытой от правительственного мониторинга, грозит многими социальными проблемами.

Существо вопроса состоит в том, что управленческая элита знает о существовании теневой экономики, но закрывает на нее глаза, если это не связано с криминалом или коррупцией. Получается, что огромным сло-

ям населения дается своего рода карт-бланш на возможность выживания по своему усмотрению. Правительство страны решает глобальные вопросы, тогда как региональные элиты, сосредоточенные на текущих делах, не имеют необходимых методик, а порой и желания подробно изучать неформалов. Складывается скрытая социальная организация общества, препятствующая его движению вперед. Избежать этого можно при условии профессионализма региональных чиновников и политической воли государства контролировать деятельность участников экономических процессов. В этом смысле работа С.Ю. Барсуковой может стать и учебником, и пособием, и руководством к действию.

Литература

Блом. Р., Мелин Х., Сарно А., Сарно И. Социальный капитал доверия и менеджериальные стратегии // Мир России. 2005. № 2. С.126–159.

Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 93–138.

Виноградский В.Г. Рецензия на книгу С.Ю.Барсуковой «Неформальная экономика: экономико-социологический анализ» (2004) // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 151–153.

Виноградский. В.Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3. С. 36–48.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С. 3–38.

Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление теневых институтов в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 13–21.

Радаев В.В. Два корня российского предпринимательства: Фрагменты истории // Мир России. 1995. № 1. С. 159–179.